

Содержание

Введение. Отправляемся в путь	11
-------------------------------------	----

Часть первая. РАССВЕТ

1. Вставать с постели, как Марк Аврелий	21
2. Удивляться, как Сократ	34
3. Гулять, как Руссо	61
4. Видеть, как Торо	81
5. Слушать, как Шопенгауэр	107

Часть вторая. ДЕНЬ

6. Радоваться, как Эпикур	135
7. Обращать внимание, как Симона Вейль	155
8. Сражаться, как Ганди	184
9. Быть добрым, как Конфуций	216
10. Ценить малое, как Сэй-Сёнагон	232

Часть третья. ВЕЧЕР

11. Ни о чем не жалеть, как Ницше	255
12. Справляться с трудностями, как Эпиктет	277
13. Стареть, как Бовуар	304
14. Умирать, как Монтень	334

Эпилог. Прибытие	352
------------------------	-----

Благодарности	356
---------------------	-----

Об авторе	359
-----------------	-----

Примечания	360
------------------	-----

Предметно-именной указатель	373
-----------------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Отправляемся в путь

Мы ненасытны. Мы всё хватаем и хватаем, но нам по-прежнему мало. Чем больше хватаем — тем сильнее хотим.

Вот, например, смартфон. Потрясающая штука! Достаточно провести пальцем — и нам открываются все знания человечества, от Древнего Египта до квантовой физики. Но вот, проглотив очередную порцию информации, мы хотим еще. Что же это за неутолимый голод?

Мы не понимаем, чего на самом деле хотим. Нам кажется, что мы нуждаемся в информации и знаниях. Но это не так. Нам нужна мудрость. Это не одно и то же. Информация — это просто куча фактов, знание представляет собой «кучу» более организованную. Мудрость же распутывает клубки фактов, находит в них смысл и — что особенно важно — дает понять, как лучше всего их использовать. Как говорил британский музыкант Майлз Кингтон, «знание — это быть в курсе, что помидор — фрукт. Мудрость — это не класть его во фруктовый салат»¹. Знание знает. Мудрость видит.

Разница между знанием и мудростью не количественная, а качественная. Внушительный объем знаний совершенно не обязательно означает мудрость; вообще-то говоря, мудрости от этого может даже поубавиться. Бывает, что человек, зная слишком много, по сути ничего при этом не понимает.

Наши знания своего рода багаж — то, чем мы обладаем. Мудрость же — это принцип действия. Она представляет собой навык, ей, как и любому навыку, можно научиться. Но для этого надо потрудиться. Ожидать, что мудрость придет сама собой, все равно что рассчитывать случайно научиться играть на скрипке. Однако мы, как правило, именно этим и занимаемся. Спотыкаясь, бредем по жизни, надеясь то там, то здесь подобрать крупинцы мудрости, но при этом остаемся в замешательстве. Мы путаем срочное с важным, многословное с глубокомысленным, общепринятое с правильным. Как сказал один современный философ, мы «живем не туда»².

Я тоже ненасытен и подозреваю, что мой голод сильнее, чем у других. Причиной тому — неизбывная тоска, сопровождающая меня всю жизнь, сколько я себя помню. За годы я испробовал немало способов унять свою ненасытность: религия, психотерапия, книги по саморазвитию, путешествия; был даже эпизодический и не слишком успешный опыт с галлюциногенными грибами. Все это слегка утоляло мой голод, но ненадолго.

Как-то субботним утром я решил опуститься на самое дно — отправился в подвал. Там хранятся книги, которые вроде как не подходят для гостиной. И вот среди «трудов» с названиями типа «Все о кишечных газах» или «Личные финансы для чайников» мне попала «История философии» Уилла Дюранта 1926 года издания. Когда я раскрывал тяжеленный том, поднялось облачко пыли. Смахнув пыль, приступил к чтению.

Никаких невероятных откровений и прозрений в строках Дюранта не было, но я не мог оторваться. Дело заключалось не в самих идеях — скорее, в той страсти, с которой их излагал автор. Определенно Дюрант был влюблен. Но в кого? Или во что?

Слово «философ» происходит от греческого φιλόσοφος и означает «любящий мудрость». Однако это определение ничего не говорит о том, как обрести мудрость, равно как и Декларация независимости не говорит о том, как добиться счастья. Вполне возможно любить что-то, чего нет и что совершенно недоступно. Важно само стремление.

Я пишу эти строки в дороге, где-то в Северной Каролине, а может, и в Южной — не знаю. Когда едешь в поезде, очень легко потерять счет как километрам, так и часам.

Люблю поезда, а точнее — люблю ездить на них. Я не из тех, кого охватывает восторг, скажем, при виде тепловоза SD45. Тоннаж, ширина колеи — все это мне абсолютно безразлично. Но мне нравится само ощущение от удивительного сочетания простора и уюта, которое дает только поезд, — словно возвращаешься в материнскую утробу. Приятная температура, мягкий свет. Поезд переносит меня в счастливое бессознательное состояние, в те времена, когда еще не надо было заполнять налоговую декларацию, откладывать деньги на обучение в колледже, лечение зубов и проездной. Когда еще не было даже семейства Кардашьян.

У моей тещи последняя стадия болезни Паркинсона. Тяжелый недуг отнимает у нее способности и память. Она многое забыла. Но свои детские путешествия на поезде по северу штата Нью-Йорк помнит прекрасно. Олбани, Корнинг, Рочестер — и обратно в Олбани. Картинки, звуки, запахи настолько живы в ее памяти, словно все это было вчера. Поезда остаются с нами навсегда.

А еще в поездах хорошо философствовать. В поезде я могу размышлять, в автобусе — нет. Совсем. Подозреваю, дело в разных ощущениях от поездки, а может, в ассоциациях: автобус навеивает мысли о том, как в детстве ездил в нелюбимую школу и в ненавистные летние лагеря. А вот на поезде я езжу туда, куда сам хочу, причем со скоростью мысли.

При этом что философия, что поезда кажутся несколько замшелыми: когда-то и то и другое было важнейшей частью жизни людей, а теперь они стали старомодным пережитком. На поездах сегодня ездят лишь те, у кого нет другого выбора. Так же и философию изучают те, кого не смогли отговорить родители. Философия, как и поезда, была в ходу, пока люди не изобрели чего-то лучше.

Я выписываю журнал под названием *Philosophy Now*. Он приходит раз в два месяца, в буром конверте из непрозрачной крафтовой бумаги, будто это порножурнал. Вот заголовки с обложки последнего номера: «Иллюзорен ли мир?», «Равно ли истинное истине?» Я прочел их жене — она закатила глаза. Для нее, как и для многих других, эти статьи — квинтэссенция всего плохого, что есть в философии, ведь в них ставятся абсурдные, лишённые ответов вопросы. Слова «философия» и «факты» соседствуют только в словаре.

Технологии соблазняют нас мыслью о том, будто философия больше не нужна. Зачем нужен Аристотель, если есть алгоритмы? Цифровые технологии успешно решают мелкие, повседневные задачи типа «где купить лучшее буррито в городе» или «самая короткая дорога на работу». И нам кажется, будто с «большими» задачами они тоже справятся без проблем. Но нет. Сири запросто найдет вам киоск с буррито, но спросите у нее, как получить от перекуса максимум удовольствия, и ответа не будет.

Или возьмем поездку на поезде. Технологии, а также их властительница наука назовут вам скорость поезда, его вес и массу, объяснят, почему постоянно пропадает вайфай в вагоне. Но наука не ответит, нужно ли ехать на этом самом поезде на встречу одноклассников или, скажем, к дядюшке Карлу, который вас всегда бесил, но сейчас тяжело заболел. Наука также не подскажет, этично ли будет стукнуть ребенка, который орет и пинает спинку вашего кресла. Наука не поможет понять, насколько прекрасен вид из окна вашего вагона. Философия тоже не в силах этого сделать (но это не точно),

зато с ее помощью вы можете посмотреть на мир по-другому — и вот это очень ценно.

В местном книжном магазине раздел «Философия» расположен по соседству с разделом «Книги по саморазвитию». Будь в древних Афинах книжный, эти книги стояли бы на одной полке. Философия и была работой над собой. Философия помогала решать насущные вопросы. Философия лечила. Она была лекарством для души.

Философия помогает, но не так, как это делает массаж горячими камнями. Философия отнюдь не ленивая и приятная расслабуха. Это не спа-салон, а спортзал.

Французский философ Морис Мерло-Понти называл философию «радикальной рефлексией»³. В этом определении мне нравится намек на провокационность и элемент риска, которые определенно свойственны философии. Когда-то философы владели умами людей. Они были героями, были готовы умереть за свое учение, а некоторые, например Сократ, и в самом деле отдали свою жизнь. На сегодняшний день весь героизм философии сводится к самоотверженной борьбе ученых за преподавательские места в вузах.

Сегодня почти нигде не учат самой философии. Преподают историю философии, но непосредственно философствовать не обучают. Философия не похожа на другие учебные предметы: это не свод знаний, скорее образ мыслей, способ бытования в мире. Не «что» или «почему», но «как».

В наши дни никого не занимает это «как». В книжном мире руководства и пособия «для чайников» вызывают смущение, словно богатый, но неотесанный родственник. Серьезные писатели не пишут мануалы, серьезные читатели их не читают. (По крайней мере, не признаются в этом.) И все же большинство из нас не будет ночи напролет размышлять над абстрактными вопросами типа «Какова природа реальности?» или

«Почему в мире есть нечто, но нет ничто?». Нам требуется именно руководство: вопрос «Как?», а точнее — «Как жить?», владеет нашими умами постоянно.

В отличие от науки, философия не свод ограничительных мер. Она не просто описывает мир таким, какой он есть, но и дает понять, каким он мог бы стать. Открывает нам глаза на имеющиеся возможности. Слова писателя Дэниела Клейна о древнегреческом философе Эпикуре применимы и ко всем хорошим мыслителям: читать их сочинения следует не как философию, а скорее как «воодушевляющую поэзию»⁴.

Последние несколько лет я посвятил тому, чтобы медленно, со скоростью мысли, уютно устроившись у окна в поезде, впитывать в себя эту поэзию. Я ездил на поезде всегда и везде, когда это было возможно. Я побывал там, где доводилось размышлять величайшим философам человечества. Я отважился посетить «Лагерь стойков» в Вайоминге, бросал вызов бюрократии, опутавшей железные дороги в Дели. Я катался по линии F нью-йоркского метро дольше, чем советует здравый смысл. Все эти поездки были для меня целительной передышкой, возможностью размять ноги и разум перед новым философским рывком. Лучшей паузы нельзя было и желать.

Наберите в поисковике «философы» — вы увидите сотни, а то и тысячи результатов. Для книги я выбрал четырнадцать мыслителей. Выбирал с умом. Все эти люди мудры, хотя и каждый по-своему. Разные мыслители — разные грани мудрости. Жили они в очень разное время — Сократ в V веке до нашей эры, Симона де Бовуар в XX веке — и в разных местах, от Греции до Китая, от Германии до Индии. Все четырнадцать уже ушли в мир иной, но хорошие философы до конца не умирают — они продолжают жить в умах других. Мудрость, которая всегда с тобой. Ей не помеха время и пространство, она никогда не устаревает.

В моем списке много европейцев, но не они одни — у Запада нет монополии на мудрость. Некоторые из моих философов, к примеру Ницше, были исключительно плодотворны. Другие, скажем Сократ и Эпиктет, не написали вообще ни единого слова. (Хорошо, что у них были ученики!) Некоторым удалось добиться великой славы при жизни. Другие умерли неизвестными. Одних знают именно как философов, других (вроде Ганди), пожалуй, нет. (Тем не менее он был им.) Возможно, некоторые имена, скажем японской куртизанки и писательницы Сэй-Сёнагон, вы и вовсе никогда не слышали. Ничего страшного. В конечном итоге вот главный мой критерий: любили ли эти мыслители мудрость? И заразительна ли оказалась их любовь?

Обычно мы представляем себе философов эдакими головами на ножках. Моя компания не из таких. Это были вполне реальные, активные люди. Они бродили по дорогам, ездили на лошадях. Сражались в битвах, пили вино, предавались любви. И все до одного — и до одной — были философами-практиками. Их интересовал не смысл жизни, но осмысленная жизнь.

Они не были идеальными. У каждого можно найти свои странности. Сократ впадал в ступор, порой на несколько часов. Руссо неоднократно оголял на публике ягодицы. Шопенгауэр беседовал со своим пуделем. (О Ницше даже начинать не будем.) Ну и что? Мудрость нечасто облачена в идеальный костюм от «Брукс Бразерс» (хотя все может быть).

Мудрость нужна нам всегда, но на разных этапах жизни — разная. В 15, 35 и 75 лет человеку требуются не одни и те же наставления. Философии есть что предложить в каждом из этих случаев.

Жизнь, как я все четче осознаю, проносится мимо со свистом. Слишком часто люди передвигаются по ней вприпрыжку, забивая себе голову ерундой и глупостями, словно у нас впереди вечность. Но это не так, по крайней мере в моем случае. Я склонен называть себя человеком средних лет. Моя дочь-подросток, у которой пятерка по математике, недавно

заметила, что, если только я не собираюсь жить до 110 лет, мой *средний* возраст уже позади.

Так что, хоть я и пишу эти слова в неторопливо катящемся поезде, некое чувство все же торопит мое перо. Это поспешность человека, не желающего умереть, так и не пожив. Дело не в каком-то отдельном кризисе — будь то угроза здоровью или финансовые неурядицы. Никакой голливудской драмы, просто куча раздражающих мелочей, разочарований, досадного подозрения, что я живу свою жизнь как-то не так. Не могу сказать, что жизнь меня тяготит, и все же я с каждым днем все сильнее чувствую кожей дыхание времени. Я хочу... нет, не так: мне необходимо знать, что важно, а что нет, пока не стало слишком поздно.

«Жизнь рано или поздно всех нас делает философами», — заметил французский мыслитель Морис Рислен⁵.

«Чего же я жду?» — думаю я, читая эту фразу. Какой-то особой задачки от жизни? Пусть делает из меня философа прямо сейчас, сегодня. Пока еще есть время.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАССВЕТ

1.

Вставать с постели, как Марк Аврелий

Время: 7 часов 7 минут. Просторы Северной Дакоты. Поезд «Эмпайр Билдер» компании «Амтрак», следующий из Чикаго в Портленд, штат Орегон.

Мое купе озаряют косые утренние лучи. Был бы рад сказать, что они бережно будят меня, но, собственно, я и так не сплю. Голову будто прокрутили в сушильной машине. От висков по всему телу расходится тупая боль. Мозг словно погружен в ядовитый туман. Тело неподвижно, но далеко не расслабленно.

По части отношения ко сну люди придерживаются противоположных мнений: для одних это досадный, откровенно малопрятный перерыв в процессе жизнедеятельности, для других — одно из чистейших удовольствий, дарованных нам жизнью. Я из вторых. Железных правил у меня немного, и одно из них гласит: не мешайте мне спать. «Амтрак» помешал, и я этим недоволен.

Взаимосвязь между сном и поездом, как любые отношения, дело непростое. Конечно, мерное покачивание меня постепенно убаюкало, но мой ночной покой не раз грубо нарушали Боковой Крен, Внезапный Толчок и Набегающая Волна.

Солнце выдергивает меня из сна с деликатностью инструктора по строевой подготовке. Ночью наши демоны оставляют нас в покое, а наутро возвращаются снова. В момент пробуждения мы уязвимы как никогда: ведь в очередной раз приходится вспомнить, кто мы такие и как сюда попали.

Я переворачиваюсь на другой бок, натягивая на себя голубое амтраковское одеяло. Можно было бы, конечно, и встать — да, конечно, можно, но зачем?

— Всем доброе утро!

Я было уже задремал, и тут меня снова будят. И не Боковой Крен или Набегающая Волна, а человеческий голос. Звонкий и бодрый.

Это еще кто?

— Я мисс Оливер из вагона-ресторана. Мы уже открыты и ждем ваших заказов. Но чтобы мисс Оливер принесла вам заказ, пожалуйста, обуйтесь, наденьте рубашку — и улыбнитесь!

Господи боже ты мой, все — больше мне не уснуть. Лезу в рюкзак, чтобы нащупать книгу, стараясь не сбить одеяло. Вот она. «Размышления» Марка Аврелия. Тоненькая — не больше 150 страниц, с широкими полями. На суперобложке — рельефное изображение мускулистого бородача на коне. Он излучает спокойную силу человека, которому не надо ничего доказывать.

Римский император Марк Аврелий командовал почти полумиллионной армией и правил империей, где жила пятая часть населения всего мира, простиравшейся от Англии до Египта, от Атлантики до берегов реки Тигр. Но утро — утро Марк (мы с ним на «ты») не любил. Он вечно валялся в постели, почти все дела откладывая на дневное время (после того как вздремнет). Такой режим дня отличал его от большинства других

римлян, встававших до зари. Сонные дети брели по римским улицам в школу в предрассветных сумерках. Марк, человек благородного происхождения, получил домашнее образование. Он мог позволить себе выспаться. Чем всю жизнь и пользовался.

В принципе, у нас с Марком не особо много общего. Нас разделяют века, не говоря уж об изрядных сословных различиях. Марк управлял империей размером чуть ли не в половину континентальной части США. Под моим началом — примерно половина площади моего рабочего стола, что, по правде говоря, и так стоит мне немалых усилий. Я решительно подавляю восстания непокорных визитных карточек, квитанций о подписке на журналы, кошачьей шерсти, трехдневных бутербродов с тунцом, собственно кота, буддийских безделушек, кофейных чашек, старых выпусков журнала *Philosophy Now*, собаки, налоговых бланков, еще раз кота и, что особенно странно, учитывая, что до ближайшей линии моря от меня 240 километров, — песка.

Но я читаю Марка — и различия между нами стираются. Мы с Марком братья. Он правил империей и боролся со своими демонами — я кормлю кота и сражаюсь со своими. Враг у нас общий⁶. Это утро.

Утро задает тон всему дню. Плохое утро — плохой день. Не обязательно, но обычно именно так и бывает. Когда ворочаешься под одеялом серым промозглым утром понедельника, никакие заслуги и привилегии ничем тебе не помогут. Ничего не стоит и богатство, столь ценное в иные моменты. Можно сказать, что достаток вместе с пуховым одеялом норовят удерживать нас в лежащем положении.

Утро — источник сильных, противоречивых эмоций. С одной стороны, в это время ощущаешь аромат надежды. Каждый рассвет — это рождение заново. Слоган предвыборной кампании Рональда Рейгана не звучал как «после обеда в Америке» — именно обещание «утра в Америке» стало для него билетом в Белый дом. Не бывает и никаких «овечерений» — только озарения.

Между тем для некоторых из нас утро — синоним вялотекущей тоски. Если вы недовольны жизнью, то, скорее всего, вы не любите и утро. В несчастливой жизни оно вроде начала третьей части «Мальчишника». Вы заранее ощущаете во рту вкус неотвратимой мерзости бытия.

Утро — это момент перехода, а переход легким не бывает. Мы покидаем одно состояние сознания — сон — и переходим в другое — бодрствование. Говоря языком географии, утро — это приграничный кордон сознания. Тихуана* нашей души. Странное местечко, пронизанное смутным чувством опасности.

Философы относились к утру по-разному — так же как и ко всему прочему. Ницше просыпался на закате, умывался холодной водой, выпивал стакан теплого молока и работал до одиннадцати утра. На фоне Иммануила Канта он смотрится конченым халевщиком. Сам Кант вставал в пять утра, когда кёнигсбергское небо было еще черным-черно, выпивал чашку некрепкого чая, выкуривал трубочку — одну, не больше — и брался за работу. Блаженной памяти Симона де Бовуар пробуждалась в десять утра и подолгу медлила над чашечкой эспresso. Марку же, увы, такая роскошь была недоступна: он родился за 1200 лет до изобретения кофе.

По словам французского писателя-экзистенциалиста Альбера Камю, самоубийство — единственная «по-настоящему серьезная философская проблема»⁷. Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить? Все прочее лишь метафизическая трескотня. Говоря проще: нет философа — нет и философии.

Предположение Камю вполне логично, но, по-моему, несовершенно. Если вы пробились сквозь его самоубийственный вопрос и решили, что да, жить — это хорошо (то есть

* Город на границе США и Мексики. — *Прим. ред.*

хорошо *на данный момент*; экзистенциальные вопросы никогда не обретают окончательного ответа), перед вами встает вопрос следующий, еще более мучительный: а вставать с постели надо? Вот она, единственная, на мой взгляд, по-настоящему серьезная философская проблема. Если некая доктрина не способна вытащить человека из-под одеяла, зачем она вообще нужна?

Подобно всем великим вопросам, Великий Постельный Вопрос на самом деле скрывает в себе несколько других. Прочь одеяло — изучим его подробно. На первом уровне мы задаем-ся вопросом: *могу ли я встать с постели*. Если вы не инвалид, ответ утвердительный: да, могу. Помимо этого, мы спрашиваем: имеет ли смысл вылезать из кровати, и наконец: *следует ли нам вставать*. Вот тут начинаются сложности.

Шотландский философ Дэвид Юм⁸ много размышлял над подобными вопросами, хотя, как правило, и не в постели. Для него существовало два измерения: то, что «есть», и то, что «дóлжно». «Есть» связано с наблюдением. Мы безоценочно наблюдаем эмпирическую пользу вставания с постели: например, кровь начинает двигаться быстрее, увеличиваются шансы заработать денег.

Компонент же «дóлжно» связан с моральной оценкой, то есть не в чем преимущества вставания с постели, а почему мы должны так поступить. По мнению Юма, мы слишком быстро переходим от «есть» к «дóлжно». Моральное «дóлжно» никогда не проистекает непосредственно из фактического «есть». (Именно поэтому проблему «есть/дóлжно» называют также «гильотиной Юма»: он отсекает одно от другого и настаивает на том, что их должно нечто разделять.) Растрата денег работодателя *есть* возможная причина неприятных последствий, поэтому *дóлжно* воздерживаться от растраты.

Вовсе не обязательно так, говорит нам Юм. Нельзя перейти от констатации факта к этической максиме. Вполне вероятно, что вставать — полезно для здоровья и благоденствия, но это

не значит, что мы «должны» это делать. Может, нам ни к чему усиленный кровоток и хороший заработок. Может, нам и так нормально, под одеялом. Вот это противное «должны», полагаю, и объясняет весь наш дискомфорт. Мы чувствуем, что должны вставать, а если не встаем — значит, с нами что-то не так.

Встать или не встать, вот в чем вопрос. Пока лежишь под теплым одеялом, в голове происходит напряженный спор, под стать сократовскому диалогу или ток-шоу на кабельном телевидении. С теми, кто подначивает «не вставать», спорить трудно. В постели тепло и уютно — не как в материнской утробе, но близко. Под одеялом жизнь хороша, а ведь не кто иной, как Аристотель, говорил, что хорошая жизнь — это самоцель. А снаружи холодно. И происходит всякая дрянь. Войны. Эпидемии. Поп-музыка.

Казалось бы, за позицией «не вставать» — уверенная победа. Но в философии не бывает однозначных ответов: всегда найдется некое «но». На этом коротеньком слове возведены целые философские системы, когнитивные сверхструктуры, грандиозные мысленные построения.

Жизнь манит нас к себе. Срок, отпущенный нам на этой планете, так невозможно короток. Мы правда готовы провести его в лежачем положении? Нет, не готовы. Без сомнений, сила жизни, пульсирующая в наших усталых жилах, достаточна, чтобы заставить мужчину средних лет, не тучного, но упитанного, покинуть постель. Правда ведь?

И подобные пододеяльные диспуты в той или иной форме начались с тех самых пор, как люди изобрели одеяла и научились ими укрываться. Со времен римлян мы добились немалых успехов, но так и не решили Великий Постельный Вопрос. От него никто не застрахован. Президент или бедняк, шеф-повар или бариста из «Старбакса», римский император или писатель со слабыми нервишками — все мы подвластны одним и тем же законам инерции. Все мы — покоящиеся тела в ожидании воздействия внешней силы.

Я закрываю глаза и вижу Марка так же ясно, как вчерашний стаканчик из-под кофе, прибившийся к краю моего узкого ложа. Я представляю, как Марк устроился под одеялом в своем личном шатре в составе римского лагеря на берегах реки Грон — притока Дуная. День, я чувствую, стоит холодный и сырой, настроение у Марка дурное. Война идет наперекосяк. Германцы подкараулили в засаде римских снабженцев. Боевой дух войск Марка упал ниже некуда, и их сложно в этом упрекнуть. Больше полусотни тысяч римских солдат убито.

Не сомневаюсь, что Марк тосковал по Риму. Особенно по жене Фаустине — любящей, хоть и не всегда верной. Прошлые десятилетия выдалось нелегким — императору досаждали не только германские племена, но и неудавшееся восстание коварного Кассия. А еще дети: Фаустина выносила не меньше тринадцати, но из них больше половины умерли в младенчестве.

Марк был философом на троне — таких нечасто встретишь. Что же заставило самого могущественного человека в мире изучать философию? Он же император — может делать что захочет. Зачем же он изыскивал в своем плотном графике время на то, чтобы читать классиков и задавать себе нерешаемые вопросы?

Возможно, ответ кроется в юных годах Марка. Детство его было счастливым — чем могли и до сих пор могут похвастаться столь немногие. Он любил читать и книгу предпочитал походу в цирк. Такие, как он, среди римских школьников были в меньшинстве.

Позже, когда Марк был без ума от греческих философов⁹, он порой спал на голой земле, укрывшись одним лишь плащом-паллиумом — потертым одеянием философов, пока мать не начинала браниться, требуя, чтобы он оставил «эти глупости» и спал в нормальной постели.

К греческой философии римляне относились примерно так, как большинство из нас воспринимает оперу: это что-то

безусловно ценное и красивое и, конечно, надо бы почаще ходить туда, но как-то там все так чертовски сложно, да и времени вечно нет. Идея философии нравилась римлянам больше, чем сама философия. Поэтому Марк, будучи подлинным философом, вызывал подозрения. Люди шептались за его спиной, хоть он и был их правителем.

Императором Марк стал по воле случая. Это не было работой его мечты. Действия одного из его предшественников, Адриана, в итоге привели Марка на трон в 161 году нашей эры. Ему было сорок.

И первое время — полгода, если быть точным, — все шло великолепно. А потом понеслось: катастрофическое наводнение, чума и вторжения захватчиков. Не считая войн с ними, крови на руках у Марка было немного. Вот живое доказательство того, что абсолютная власть совсем не обязательно развращает абсолютно. Раз за разом Марк выносил снисходительные приговоры дезертирам и прочим нарушителям закона. Когда в империи разразился финансовый кризис, он предпочел распродавать одежды, кубки, статуи, картины — но не повышать налоги. Особенно трогательным мне кажется его указ, согласно которому все уличные канатоходцы — часто это были совсем молодые ребята — должны были во время представлений стелить под канатом толстый упругий матрас.

Марк демонстрировал примерное мужество в битвах, но, как утверждает его биограф Фрэнк Маклинн, самым блестящим его подвигом можно назвать «непрерывную борьбу с собственным врожденным пессимизмом»¹⁰. Как про меня сказано. Я тоже вечно сражаюсь с силами негатива, то и дело замышляющими перетянуть меня на свою сторону. Для нас, несостоявшихся оптимистов, наполовину пустой стакан — это все же лучше, чем вовсе никакого стакана или если стакан разбился на тысячу осколков и один из них пропорол вам артерию. Все зависит от угла зрения.

У Марка были проблемы со сном. Он страдал от непонятных болей в груди и животе. Его врач — заносчивый, но искус-

ный в своем деле человек по имени Гален — в качестве снотворного назначал ему мнимое универсальное противоядие — териак, вероятно с добавлением опи¹¹.

Как и я, Марк старался стать «жаворонком». Но между настоящими «жаворонками» и желающими ими стать — большая разница. Сейчас, когда я лежу под теплым амтраковским одеялом, ощущая мерное покачивание поезда, эта разница разрастается до размеров пропасти.

Вы скажете, что может быть проще? Ставим одну ногу на пол, потом другую. Переводим тело в вертикальное положение. Но я не могу подняться вертикально. Даже диагонально не могу. Что со мной не так? Марк, выручай.

«Размышления» не похожи на другие книги, что я читал. Это даже не совсем книга, скорее — персональный органайзер. Собрание напоминаний и мотивирующих речей. Эдакие римские «напоминалки» на холодильнике. Больше всего на свете Марк Аврелий боялся не умереть, а забыть нужное. Он постоянно напоминает себе о том, что надо жить по полной. Публиковать свои «напоминалки» Марк Аврелий не собирался: он писал их для себя¹². Читая книгу, я словно подсматриваю и подслушиваю за императором.

И мне нравится то, что я узнаю. Я ценю его честность. Уважаю то, что он предстает на страницах книги таким, какой есть, со своими страхами и уязвимостями. Самый могущественный человек мира жалуется на бессонницу и панические атаки, а также говорит, что любовник из него в лучшем случае сносный. («Бросил семя в лоно и отошел» — так он описывает акт физической любви.) Марк всегда исходил из утверждения стоиков о том, что всякая философия начинается с понимания собственной слабости.

Он не строит грандиозных философских систем, достойных изучения многими поколениями усердных студизусов. Его

философия сродни лечению, причем и врачом, и больным предстает сам Марк. Как сказал переводчик Грегори Хейс, «Размышления» — это «в самом буквальном смысле книга по саморазвитию»¹³.

Вновь и вновь Марк призывает себя прекратить думать и начать действовать. Хватит описывать, каким должен быть хороший человек. Будь им. Разница между философией и разговорами о ней — как разница между винопитием и беседами о вине. Один глоток хорошего пино нуар расскажет о вине больше, чем многие годы усердного изучения энологии — науки о виноделии.

Идеи Марка не так просто воплотить в жизнь. Ни с одним философом так не бывает. Он был стойком, но не ограничивался стоической философией. Близки ему были и другие — Гераклит, Сократ, Платон, киники и эпикурейцы. Подобно всем великим философам, Марк скрупулезно изыскивал жемчужины мудрости. Неважно, откуда взялась мысль, важно, насколько она ценна.

Читая «Размышления», становишься свидетелем того, как философия разворачивается в реальном времени. Марк словно ведет прямую трансляцию собственных мыслей, без всякой редакции. Я наблюдаю, как «некто учит себя быть человеком»¹⁴ — так охарактеризовал книгу Марка Аврелия исследователь античной философии Пьер Адо.

Сразу несколько «Размышлений» начинаются словами: «Поутру, когда медлишь вставать...» Я читаю дальше и вдруг понимаю, что между строк эта книга во многом — исследование Великого Постельного Вопросы. Не только как встать с постели, но *зачем вообще напрягаться?* Практически вопрос Камю о самоубийстве, завернутый в мягкое пуховое одеяльце. Марк мечется между противоположными мнениями и спорит сам с собой.

— На что мне жаловаться, если я собираюсь делать то, для чего создан?

— А если оставаться в теплой постели — это и есть то, для чего я создан?

— Так ведь сладко это.